

Глава 17: Примирительный дар

Когда Чжун Бо принёс заказанные вещи, в кабинете, как и всегда, царила тишина.

Непривычная тишина, в которой не было слышно весёлого щебетания и чириканья.

За столом, склонив голову, Пэй Ду писал донесение. Чжун Бо невольно обвёл взглядом комнату.

Не могло быть так, чтобы господин был здесь, а его ручного пушистого комочка нигде не было видно.

Пэй Ду кивком указал на окно.

Там, на ложе, где он обычно сидел в тишине, играя в го, теперь были разбросаны шкурки от мандаринов, а рядом с доской для игры виднелась горстка собранных в кучку косточек.

Силуэт птенца, сидевшего спиной к ним на доске, был таким круглым и пушистым, что сердце невольно смягчалось.

Чжун Бо осторожно поставил поднос на стол. На нём лежало то, что велел принести господин.

Пэй Ду, отложив в сторону недописанный трактат, свернул остальные каллиграфические опыты птенца и протянул их управляющему.

— Убери на хранение.

Чжун Бо понял, что господин намеревается отдать эти два свитка в мастерскую, чтобы их обрамили. Взглянув на их содержание, он не смог сдержать улыбки.

Шэнь Цзюцзю сидел на вершине горы из мандаринов и размышлял о смысле жизни.

Две маленькие лапки были растопырены в стороны, крылья опущены, а длинные хвостовые перья касались корзинки с фишками для го, что стояла рядом. Время от времени он шевелил хвостом, и нефритовые фишки тихонько позвякивали.

Он понимал, что Пэй Ду пытался наставить его на путь истинный, но никак не мог взять в толк, какого именно «требования» тот от него ждал.

Даже в самом сложном задании на понимание текста должен быть идеальный ответ, не так ли?

Но Шэнь Синэнь за две прожитые жизни так и не разобрался в мироустройстве, а став Шэнь Цзюцзю, и вовсе растерял большую часть воспоминаний. Они приходили урывками, словно их выдавливали из тюбика по капле, и не было никакой гарантии, что приснится что-то полезное. Такие серьёзные размышления о будущем были для маленькой птички непосильной ношей.

Мечь?

Хотелось, конечно, но не настолько, чтобы посвятить этому жизнь.

Найти мать?

Этого хотелось отчаянно, но в его воспоминаниях о Шэнь Синэне было слишком много пробелов. Он не помнил, какой у них был план, и не знал, где сейчас его мать.

Если он попросит Пэй Ду о помощи, не навлечёт ли это на неё беду?

А ещё Суй Цзымин. Как отвести от него смертельную угрозу? Лучше всего было бы не дать ему отправиться в тот роковой путь, но, судя по его характеру, удержать его силой вряд ли бы получилось.

Может, стоит попробовать намекнуть Пэй Ду?

Вдруг теперь, когда он стал птицей, оковы сюжета ослабли?

И если Пэй Ду сам обо всём догадается, а он ничего не скажет и не напишет, то это ведь... не будет считаться разглашением... верно?

Птенец терзался сомнениями.

Птенец вздыхал.

Он был очень озабоченной птицей, и философские размышления давались ему с трудом.

Потому что у маленькой птички — маленькая голова.

К счастью, Пэй Ду не требовал от него немедленного ответа.

Услышав разговор Пэй Ду и Чжун Бо, Шэнь Цзюцзю повернулся на мандарине лицом к столу, приоткрыл клюв и с весьма человеческим видом протяжно вздохнул, бросив на них укоризненный взгляд.

— Цзюцзю, что случилось? — улыбнулся Чжун Бо.

С этими словами он достал из рукава пухлый мешочек и легонько помахал им.

Шэнь Цзюцзю спрыгнул с мандарина, вприпрыжку спустился с ложа, оставив на мягкой подушке небольшую вмятину, а на полу — три-четыре изящных следа.

Чтобы птенцу было удобно приходить в кабинет и работать над трактатом в отсутствие хозяина, Пэй Ду повесил с края стола лесенку из плетёного шнура.

Эту изящную лесенку, в которой чувствовалась рука мастера, Пэй Ду сплёл между делом, потратив на это не больше времени, чем нужно, чтобы выпить чашку чая.

Шэнь Цзюцзю, когда увидел её, был поражён.

Его благодетель был поистине безупречен — умён, талантлив и заботлив.

Шэнь Цзюцзю вежливо поднял крыло, чтобы принять мешочек от Чжун Бо, и, задрвав голову, мелодично прочирикал.

— Ох, крылышками ведь не удержать. Давай я положу его рядом, хорошо?

Чжун Бо поставил мешочек с жареными семечками на поднос, чтобы птенцу было удобнее их есть, а мусор не мешал господину заниматься делами.

Шэнь Цзюцзю потёрся головой о руку Чжун Бо.

— Цзю-цзю-цзю-цзю! Цзю-цзю-цзю-цзю!

Спасибо, дядя Чжун! Птенцу очень нравится!

— Если захочешь чего-нибудь ещё, скажи дяде Чжуну, хорошо? — обращаясь к птенцу, Чжун Бо говорил мягко и ласково, и в нём трудно было узнать того строгого управляющего, что держал в ежовых рукавицах всю прислугу.

Пэй Ду, видя, как обычно суровый Чжун Бо расплывается в улыбке под чарами Шэнь Цзюцзю, с усмешкой покачал головой и сказал:

— Чжун Бо, отправь позже весточку Цзымину. Если он завтра будет свободен, пусть приходит на ужин.

Днём Суй Цзымина в поместье не бывало, он почти всё время проводил на военном полигоне.

Чжун Бо поклонился и, на прощание погладив послушного птенца по крылу, быстро убрал беспорядок на ложе и удалился.

Шэнь Цзюцзю клювом развязал мешочек, выбрал несколько самых крупных и полных семечек, принёс их Пэй Ду и, подтолкнув горку клювом к его пальцам, посмотрел на него сияющими глазами.

Птенец знал, что на его благодетеля всегда можно положиться!

Пэй Ду, однако, не собирался вмешиваться в их споры.

— Я могу лишь позвать его. А вот уговоришь ли ты его взять тебя на прогулку — зависит только от твоего умения.

Шэнь Цзюцзю самоуверенно задрал голову и пискнул.

Уж с этим слабаком он справится одной левой... то есть, одним крылом.

А если не согласится, он похитит его драгоценную А Са!

С лёгкой улыбкой на губах Пэй Ду обмакнул кисть в тушечницу. Его движения были спокойны и неторопливы.

Шэнь Цзюцзю, свернувшись калачиком у пресс-папье, словно живая подставка для кисти, склонил голову набок и наблюдал, как Пэй Ду выводит иероглифы.

— Кстати, — Пэй Ду бросил, не отрывая взгляда от документа, — те счёты стоили всего пятьдесят лянов.

Шэнь Цзюцзю не сразу понял, о чём речь. Он замер, а затем резко вскинул голову.

Изумление. Гнев. Негодование.

Птенец запрыгал на месте, отчаянно и громко чирикал.

Первый советник, не обращая ни малейшего внимания на скачущий перед ним пушистый

комочек, невозмутимо отложил кисть и, взяв донесение, легонько подул на чернила.

Раньше, глядя на Пэй Ду, Шэнь Цзюцзю восхищался его статью и выдержкой. Теперь же у него чесался клюв.

Так и хотелось что-нибудь клюнуть.

Первый советник! Великий сановник!

И он без малейшего зазрения совести обманул невинную птичку, взвалив на неё непосильный долг в сто лянов и заставив в поте лица трудиться над трактатом!

А-а-а-а!

В ярости Шэнь Цзюцзю сорвался с места, со всей силы врезался в Пэй Ду и, цепляясь лапками за его халат, полез вверх, поклявшись задать бессердечному чиновнику хорошую трёпку птичьими кулачками.

Когда он наконец взобрался на плечо Пэй Ду, тот открыл ящик стола и достал оттуда тонкий деревянный стержень размером не больше половины самого птенца.

Шэнь Цзюцзю замер и склонил голову набок.

Что это?

Похоже на деревяшку, которую Пэй Ду в последние дни то и дело вертел в руках, что-то вырезая.

Пэй Ду отвинтил верхнюю часть стержня.

Только тогда Шэнь Цзюцзю понял, что это не просто палочка, а миниатюрная кисть с полым черенком, на конце которого был закреплён пучок жёсткого ворса.

Пэй Ду капнул внутрь немного воды, затем взял с подноса, принесённого Чжун Бо, подходящий по размеру кусочек туши, вставил его в черенок и несколько раз провернул.

Наконец он протянул кисть Шэнь Цзюцзю, который спрыгнул с его плеча и теперь с изумлением смотрел на крохотный инструмент.

— Примирительный дар для маленькой птички.

— Попробуешь?

<http://bllate.org/book/13669/1210580>